

ЭНТОНИ ГИЛБЕРТ

Энтони Гилберт
(настоящее имя – Люси Беатрис
Мелдон, 1899–1973) – известная
английская писательница, наследница
литературных традиций Диккенса
и Коллинза, основательница
«Британского детективного клуба».
Ее роман «Не входи в эту дверь!»
был включен в легендарную
«Библиотеку классического детектива»
Борхесом и Касаресом. Особое место
в творчестве Э. Гилберт занимает
сериал о расследованиях адвоката
и талантливого частного детектива
Артура Крука.

ЭНТОНИ
ГИЛБЕРТ

.....
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ
УБИЙСТВО
.....

АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Г47

Серия «Золотой век английского детектива»

Anthony Gilbert
MURDER BY EXPERTS

Перевод с английского *Д. В. Вознякевича*

Компьютерный дизайн *В. Е. Половцева*

Печатается с разрешения литературного агентства
Curtis Brown Group Limited.

Гилберт, Энтони.

Г47   Профессиональное убийство : [роман] / Энтони Гилберт ; [пер. с англ. Д. В. Вознякевича]. — Москва : АСТ, 2015. — 288 с. — (Золотой век английского детектива).

ISBN 978-5-17-089385-0

При загадочных обстоятельствах погибает известный коллекционер и владелец богатого поместья Сэм Рубинштейн. В его смерти обвиняют красавицу Фэнни, работающую на крупную антикварную фирму, ведь это она отправилась с ним в поездку на машине, а обратно он так и не вернулся.

Кертис, приятель Фэнни, убежден: она невиновна. Чтобы спасти ее от тюрьмы, он вместе с частным детективом Артуром Круком начинает собственное расследование...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-089385-0

© Anthony Gilbert, 1936

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Эмми Уэбб с любовью.

Нищий, я беден даже на благодарности.

У. Шекспир. Гамлет

Глава первая

*В девятнадцати случаях
из двадцати причина бед — женщина.*

Э. Гилберт

1

Один известен с рождения, другой сам добивается славы, к кому-то она приходит помимо его воли. Я принадлежу к последним из-за общения с незабвенной Фэнни Прайс. Познакомился я с этим ослепительным созданием в аукционном зале. Лучшего окружения для ее красоты невозможно придумать. Все прекрасные, окутанные тайной произведения искусства, более ста лет радующие там глаз, не затмевали ее утонченности, остроумия и обаяния.

Лондон, как и все большие города, может похвастаться десятками тысяч изысканно одетых молодых женщин, разукрашенных, словно пасхальные яйца, однако опытный мужчина не причислил бы Фэнни к одной с ними легкомысленной категории: это не означает, что она неловко себя чувствовала бы в баре на Бродвее или в придорожных закусокных, уродующих ландшафт от кингстонского поворота до брайтонского пляжа. Только все эти

женщины выглядели бы похожими друг на друга, как оловянные солдатики из одной коробки, а Фэнни обладала той неповторимостью, которая является главным человеческим достоинством. Сами по себе красота или жизнерадостность создать этой неповторимости не могут. И вместе с тем у нее было кое-что, пожалуй, менее благородное, но для меня неодолимо привлекательное — природная беззаботность, присущая любителям риска во всем мире. У меня не было причин полагать с первого взгляда, что Фэнни окажется смелой или предприимчивой, хотя события показали, что ей присуще то и другое, но она не просто шла на риск, она наслаждалась им. Опасность являлась для нее насущным хлебом; Фэнни двигалась навстречу ей так же легко, как осторожные люди берут дешевые билеты на автобус. Никогда не уклонялась от встречи, не убегала от дела, если оно могло повлечь неприятные последствия. Биография ее, как я узнал позднее, представляла собой калейдоскоп разнообразных приключений, блестящих возможностей, странных и оригинальных происшествий. Красивая, неотразимая, она выросла из своего темного прошлого, как цветок из засохшего семени. Даже в тот первый день, когда я стоял в стороне, слушая ее разговор знатока со знатоками о том, что в течение многих лет было моей темой, я ощутил мгновенное сближение и сопутствующую ему симпатию, которые убедили меня, что эта встреча стала одной из важнейших в жизни.

Я вернулся после двадцати пяти лет нелегкой жизни почти во всех частях мира, и в первое же утро в Лондоне интуиция повела меня в аукционный зал,

эту несравненную сокровищницу красоты, так же властно, как пьяницу манит дверь с надписью «Бар». В юности я предпочитал философов мистикам; увлекался в искусстве стилем барокко и хотел окончить свои дни в одном из красивых домов эпохи Регентства. Но когда мне было тридцать шесть лет, из-за стечения обстоятельств, не имеющих отношения к данной истории, я влюбился в китайское искусство и с тех пор ни разу не изменял ему. В аукционном зале в тот день как нарочно велась продажа китайских сокровищ. В частности, там был китайский халат, старинный, бесценный, сияющий расцветкой, мягкий, как шелк. Когда я вошел, перед ним стоял человек, невысокий, похожий на китайца, с приятным, умным желтым лицом, на котором было выражение ревностного поклонника. Я узнал его. Выдало выражение его лица. Я видел его с таким же увлеченным видом перед парой китайских гравюр в Шанхае десять лет назад. Звали его Сэмпсон Рубинштейн, в то время он только что превратил свой знаменитый антикварный бизнес в компанию с ограниченной ответственностью, ушел на покой с доходами, которые потрясли бы довоенного владельца угольной шахты, и начал собирать коллекцию китайских древностей. Она, как теперь известно всем, является лучшей в мире.

Я подошел к нему. Рубинштейн рассеянно поднял голову, как человек, ощутивший кого-то поблизости. К моему удивлению, он сразу узнал меня.

— Кертис! — воскликнул он. — Господи, видел ты когда-нибудь что-то более прекрасное?

Не дожидаясь ответа, Рубинштейн принялся негромко, благоговейно расхваливать халат, его сто-

имость, красоту, отделку, что мне стало ясно — он одержимый. Естественно, его слова произвели на меня сильное впечатление. Такими страстными эмоциями невозможно не заразиться. Этот маленький еврей с глазами навывкате в ту минуту заслонил весь остальной мир. Точно так же мы могли бы стоять вдвоем в пустыне. Его бурный восторг словно воссоздавал мир древнего Китая.

Вскоре появилась Фэнни. Подошла и встала рядом с нами, молча глядя на халат. Позади нее толпились люди, но никого из них я не видел. Ее молчание электризовало воздух; одета она была в черное — и окрашивала весь мир.

Рубинштейн увидел Фэнни через секунду после меня. Вероятно, я отвлекся. Не знаю. Но он резко повернул голову и заметил ее, высокую, элегантную, ее красивое лицо было серьезным, зеленые глаза авантюристки яркими, как стекло под лучами солнца.

— Ты здесь, — сказал Рубинштейн. — А Грэм?

— Я его не видела, — восторженно ответила Фэнни, не сводя с халата глаз.

— Может, и нет, раз ты работаешь на него, — продолжил Рубинштейн. — Какая цель намечена у тебя сегодня?

— Та же, что всегда, — сдержанно произнесла Фэнни. — Зарабатывать на жизнь. — Она равнодушно указала на китайское одеяние. — Замечательный халат, правда? Устоять невозможно.

Рубинштейн не ответил, взгляд его вновь обратился к халату, словно направляемый какой-то силой.

— Он стоит того, что тебе придется за него заплатить, — согласилась Фэнни. — В конце концов,

зачем нужны деньги, если не покупать то, что хочешь? Не будь у тебя денег, — она пожалала плечами, — пришлось бы добывать халат другими способами.

Фэнни увидела кого-то из знакомых и ушла, а Рубинштейн проводил ее взглядом. Внезапно показалось, будто в зале стало темнее.

— Не хочется говорить, в какую сумму за год обходится мне эта молодая женщина, — угрюмо заметил Рубинштейн.

Я слышал их недолгий разговор и не ожидал ничего подобного. Мои брови предательски поползли вверх и выдали меня, потому что я не полностью владел собой. Рубинштейн, заметив мое удивление, раздраженно воскликнул:

— Нет-нет, ничего подобного! Теперь я женатый человек. Тебе нужно познакомиться с Лал. Эта молодая женщина орудие в руках Грэма. Любопытно, сколько он ей платит? Думаю, она знает не меньше его, даже не меньше меня. И внешность ее очень обманчива.

— Кто такой Грэм? — спросил я.

— Деловой человек, — ответил Рубинштейн. — Все, что имеет стоимость, рано или поздно оказывается в руках Грэма. Если бы можно было купить пропуск в рай, Грэм продал бы тебе свой. Для него не существовало бы небесного блаженства, если бы он думал, что ты мучаешься в аду с тысячей фунтов в своем чулке, которые могли находиться в его бумажнике. Нюх у него, как у крысы, нрав, как у хорька. Я ловок, но он время от времени побеждает меня в моей игре. Посмотри на эту вещь. — Рубинштейн указал на халат. — Кому она принадлежит? Грэму.

И он продает халат. Знает, что я хочу его заполучить. Знает, что какую цену ни запросит, я ее выложу. Я не могу отказаться от этого халата. А в Америке есть люди, которые отдадут все до последнего цента, но не остановятся ни перед чем, чтобы увести халат у меня из-под носа. Вот для чего Фэнни здесь — задирать цену, чтобы Грэм мог получить наибольшую выгоду.

— Он никогда не зарывается?

Рубинштейн покачал головой.

— Со мной — нет, — простодушно ответил он. — Я сколотил состояние, избегая рисков. Никогда не поддавался на обман и не обманывал клиентов. Это, Кертис, самая лучшая политика. А сейчас я полагаю, что Грэм отправит халат в Америку.

— Там он может не получить своей цены.

— Да, но нельзя быть в этом уверенным. И даже если не получит, он может держать ее в течение года, и я буду каждый день терпеть муки утраты, задаваться вопросом, нашел ли Грэм покупателя, что собирается делать дальше. К счастью, он не может вынести мысли об уплывающих деньгах, иначе оставил бы халат себе. Грэм один из признанных знатоков в мире китайского искусства — через его руки постоянно проходят сокровища огромной ценности, а он живет в маленькой квартирке по дальнюю сторону парка и занимается чеканкой по металлу в виде хобби. Но Грэм умный, — добавил Рубинштейн с таким долгим вздохом, что он прозвучал как стон. — Из него вышел бы превосходный палач. Я отказался бы от тысячи фунтов в день за беспокойство, в котором он меня держит.

— И он, к сожалению, знает об этом?

— Разумеется, да.

— Он шотландец?

— И еврей. Грэм не забывает о том, что шотландец, но что до еврея — уверяю тебя, никто не бросится открывать окно в бродвейском клубе, чтобы выпустить дурной запах при упоминании о еврее, быстрее Грэма. Думаю, мы увидим его скоро.

И действительно, Грэм подошел к нам перед самым началом торгов. Это был высокий, худощавый человек с костистым носом, торчащим под плоским лбом. Поверх рыжеватых волос у него была шляпа-котелок, верхняя фаланга на безымянном пальце правой руки отсутствовала.

— Значит, снова идешь по следу, мой дорогой Рубинштейн, — вкрадчиво произнес он. — Тебя не собьешь с него. Кстати, вчера я видел очень хорошую пару нефритовых браслетов у одного торговца. Они могут тебя заинтересовать.

Грэм улыбнулся, и еврей затмил шотландца.

Вскоре начались торги.

2

Рубинштейн купил халат за такую цену, что у меня по коже побежали мурашки. Соперничество чуть ли не с самого начала шло между ним и этой женщиной, Фэнни Прайс. Халат был не из тех, что можно повесить в гостиной, и ни одно правительство не боролось за обладание им. Рубинштейна ничто больше не интересовало. Вскоре он пригласил меня на обед для знакомства с женой. Когда мы медленно пробирались к выходу, длинная прохладная рука Фэнни, блистающая перстнем с зеленым камнем в древней когтевой оправе, коснулась его ладони.

— Надеюсь, ты проявишь великодушие и пригласишь меня в Плендерс, когда будешь обновлять халат, — сказала Фэнни.

Из-за ее плеча выглянуло лицо Грэма, похожее на морду громадного голодного кота.

— Как я завидую вам, богатым, — усмехнулся он. — Будь мне по карману оставлять себе эти вещи...

Торги возобновились, и он поспешил обратно.

— Лал — испанка, — сообщил Рубинштейн, когда мы вышли на мокрую от дождя улицу и стали ждать автобус. Как многие богатые люди, он терпеть не мог брать такси. — Когда мы встречались в прошлый раз, женат я не был.

Вот и все, что он сказал о своей жене. Остальной путь до дома Рубинштейн говорил о Фэнни.

— Я так и не смог выяснить, где Грэм нашел ее, — произнес он, — и где она приобрела свои поразительные познания. Восточной крови в ней нет, и Китай не обычная тема беседы среди молодых женщин ее типа.

— Можно ли сказать, что она относится к какому-то типу? — спросил я.

— Пожалуй, нет. — Рубинштейн не интересовался Фэнни как личностью. — Кстати, будь добр, не говори о ней при моей жене. Лал терпеть ее не может. Утверждает, что она темная личность. Думает, будто я влюблен в нее. Никак не заставишь женщин понять, что наступает время, когда мужчине уже не до этого.

Однако тогда я сочувствовал его жене, с которой не был знаком. Фэнни, считал я, заставит любую женщину опасаться за свою безопасность.

Миссис Рубинштейн была замечательным созданием, высокой, смуглой, с бархатистым голосом, темными глазами и дьявольской ревностью. В девичестве она, наверное, блистала красотой; теперь начинала толстеть. Избежать разговора о Фэнни я не сумел. Лал сама завела о ней речь.

— Купил халат? — спросила она мужа.

Тот кивнул.

— А Грэм — он, конечно, был там?

— Да.

— Ненавижу этого человека! — воскликнула Лал. — Как он смотрит на тебя — словно прикидывает, сколько бы ты стоил для него на рынке. И Фэнни Прайс, эта...

Выражение, которое она употребила, совершенно невозможно перевести. По-испански оно звучало не так оскорбительно.

Рубинштейн не обращал на нее особого внимания и посоветовал мне тоже не делать этого. Совершенно не считаясь с нами обоими, миссис Рубинштейн продолжила поносить эту загадочную молодую особу, обвиняя ее во всех преступлениях, какие могут прийти женщине на ум. Предостерегла, чтобы я не замечал Фэнни, если встречу снова.

— Она не узнает меня, — возразил я.

Лал засмеялась. Смех был неприятным.

— Фэнни узнает любого мужчину, только что вернувшегося к цивилизации через двадцать лет. Она коварна, как тигрица.

— Она очень умна, — спокойно заметил Рубинштейн и наконец смог перевести разговор на другую тему.